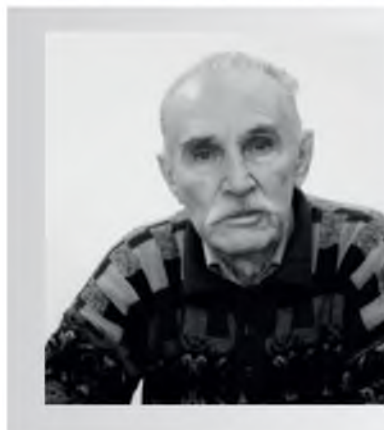

Михаил ТУРБИН

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022

Турбин Михаил Леонидович родился в 1941 году в городе Ливны Орловской области. Автор нескольких книг стихотворений и книги рассказов. Произведения публиковались в журналах «Форум», «Наш современник», «Поэзия», «Воин России», «Невский альманах», «Роман-журнал XXI век», «Новый Енисейский литератор», «Славянин». Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды». Член Союза писателей России. Поэт. Живёт в Орле.

ЗРЕЛАЯ ПОРА

Импровизация на одно стихотворение

*Он ходил и смотрел, ожидая, на реку
И ловил в пятнах света, ожидая тепла,
Что текли на его напряжённо дрожащие веки
Сквозь железный узор парапета, а она всё не шла.*

*Наверху, через мост, вереницы прохожих
Торопились, стуча каблуками, их ждали дела.
Он смотрел и хотел через мост прошагать с нею тоже
За плывущими вдаль облаками, а она всё не шла.*

*Вдалеке затихали шаги пешеходов,
Под пологом моста, в тёмных нишах, пристроилась мгла,
И лучи, не прогнав от реки подступающий холод,
На закате скользнули по крышам, а она всё не шла.*

*Наверху появились далёкие звёзды,
И луна посмотреть захотела из-за угла,
Он стоял у реки, понимая, что поздно,
И ознобом тянуло по телу, а она всё не шла.*

*Антонина Сытникова
(Звёздная память. Орёл, 2008, с. 71)*

Ожидая её, он смотрел на светлую гладь Орлика и вспоминал тот день, когда впервые с ней познакомился. Это было три года тому назад: он шёл по скверу Гуртьева, и, бросив взгляд на липовую аллею, вдруг увидел милую женщину в белом брючном костюме. Его поразило то, как она шла. Если сказать, что грациозно, то будет явно недостаточно. Она не шла, не плыла, не летела, а озаряла собой пространство, и это происходило на грани библейского чуда, – не касаясь земли, устремлялась в сторону областной библиотеки имени Бунина бестелесным воздушным созданием, таким лёгким облачком. Такого хождения раньше

видеть ему не приходилось. Что-то дрогнуло в его сердце, и он сразу почувствовал в себе прилив необыкновенной силы, как в юные свои годы, когда впервые влюбился в одноклассницу. Правда, взаимностью она ему тогда не ответила, и вышла замуж за какого-то офицера. Он долго страдал от этого и потом больше ни в кого не влюблялся. И только с годами у него начал появляться интерес к другим девушкам, особенно во время учёбы в институте, но чувства эти были уже иного накала. Ещё долго фантомная боль первой любви давала о себе знать, и он оставался холостяком. Завод, на котором он работал инженером, быстро обанкротился

в рыночное время, и пришлось ему, как и многим другим в стране, добывать себе пропитание случайными заработками: научился и за руль садиться, и за прилавком стоять, но прочной устойчивости в жизни не обрёл. Жил в однокомнатной квартире с мамой-пенсионеркой. Вечерами она смотрела телесериалы, а он читал приключенческие книжки, не замечая свои седые виски, хотя пятидесятилетний рубеж ещё не преодолел.

Ему страстно захотелось с ней познакомиться. Хорошо понимал, что знакомиться на улице с незнакомками неприлично, но не удержался, подошёл к ней. Она вполне достойно себя повела, ответила доброжелательно на все его вопросы о себе, и заинтересовалась его предложением прогуляться по городскому парку. Стояла прекрасная майская погода, каких-либо спешных дел у них не было. Они посидели в кафе, побродили по набережной Орлика, разговаривали, и разговаривали обо всём, что приходило на ум, не заметив, как быстро за вечерело. Расставаясь, они договорились о новой встрече, а жили на разных концах города. Он поймал для неё такси, а сам поехал трамваем домой. Ехал и счастливо улыбался, глядя в окно, где вечерние разноцветные огни городских улиц казались ему звёздами Млечного пути.

С тех пор он жил только ею. Оба понимали, что для семейной жизни у них нет должных условий: мама его даже слышать не хотела о какой-либо женщине в своей квартире. А пассия и муза, – так любил он называть её, – проживала на птичьих правах в квартире своих родственников, выехавших в Израиль, – опасалась приглашать его в гости из-за чрезмерного любопытства соседей. Оба надеялись, что проблема жилья каким-то образом со временем решится. Друзья порой давали им возможность встретиться уединённо, поэтому у них вошло в привычку созваниваться, уточнять место и время для очередного свидания. На этот раз она обещала прийти к ротонде, что на Дворянке, возле так называемого «Дома Лизы Калитиной».

«Опаздывает, – заметил он, бросив взгляд на часы, – такое с ней случалось, и всегда своё

опоздание объясняла ожиданием автобуса». Он внимательно посмотрел на тропинку, что тянулась вдоль Орлика от Александровского моста и вела снизу вверх поворотом к Дворянке, потом перевёл взгляд в сторону улицы Лескова, увы, и там её не увидел.

За время таких ожиданий он всё больше и больше стал понимать, что она во многом соткана из его грёз, но разочароваться в них ему ещё не приходилось. И хотя она всецело занимала его мысли, подсознание подсказывало ему, что это далеко не то всеохватное чувство, которое впервые познал в юности. Что-то иное пришло на смену, не менее горячее, а объяснить себе, что именно, так и не смог. И теперь вот, страстно ожидая её, он успокаивал себя тем, что начинал прохаживаться по дорожке у ротонды, откуда открывался широкий вид на правобережье.

Стояла тишина, лист за листом спадал под весом собственной тяжести с тополей и осин, плавно опускался на неподвижную речную гладь, где на повороте неширокий Орлик, казалось, решил передохнуть перед встречей с Окой. Ничего не говорило о его движении, – дремал. И листва на воде лежала спокойно. В брешу ветвей прибрежных деревьев ласково заглядывала холодная синева осеннего неба. На макушке сухого тополя в позе сторожа неподвижно сидел ворон или зимний грач и что-то высматривал, выставив клюв в его сторону. Плакучие ивы на левом берегу ещё не сбросили свои летние наряды и походили на застывший изумрудный водопад. Хлыстики ивового кустарника в некоторых местах голо торчали из толстых стволов своих «родственников», давно упавших в воду. Унылого вида они не производили, напротив, придавали местности некую сказочную глухомань и русалочью таинственность. На небе не было ни единого облачка, лишь на севере стояла лёгкая дымка, – как раз на той стороне города, где жила она – его пассия и муза.

Восхитительными красками полыхала осень. «Зрелая золотая осень», – машинально отметил он, и задумался над словом «зрелая». Бабье лето под это определение не подходило, ведь это – иллюзия лета, когда тепло и солнечно, а тепла как раз и не было. Он стал дальше размыш-

лять и пришёл к выводу, что «зрелость осени» – это когда листва достигает своей максимально яркой красоты цветов, тонов и оттенков, – она ещё держится на ветках, хотя порой срывается, но не массово, но скоро, от первого ветерка, начнёт густо-густо сыпаться. «Зрелость осени – в ожидании ветра», – решил он, потом нагнулся и подобрал с земли широкопалый кленовый лист, стал его рассматривать и припоминать, почему из зелёного сделался золотисто-бронзовым. На ум пришло слово «хлорофилл», именно он превращает свет в питательные вещества, а потом те в свою очередь придают листочкам зелёный цвет. Если световой день уменьшается, то происходит обратный процесс – листья становятся золотистыми или бронзовыми. Крона уже не нужна дереву, поэтому листва падает вместе с вредителями на землю и утепляет корни – впереди зима, и надо древесине с корнями выживать. Потом взглянул на ель и спросил себя, почему хвойные деревья круглый год стоят зелёные? И вспомнил: «Всё дело в иголках, – площадь каждой из них маленькая и потери влаги маленькие, кроме того, иголки покрыты веществом вроде воска, что не даёт влаге испаряться в жару и морозы. А вот с лиственницей вопрос сложнее, – из всех хвойных пород только она теряет иголки. Тут всё дело в её исторической древности, поскольку существовала она тогда, когда на планете был иной климат, в нём и сформировалась в отсутствие суровых зим».

И он улыбнулся, довольный своей памятью; совсем недавно слышал нечто подобное в телепередаче об осени, хотел это рассказать музе на прогулке, а она всё не шла.

И опять задумался: «Как всё сложно, ведь совсем недавно был безработным, и что же ждёт впереди? «Зрелая золотая пора – пора, пора»... – стал приговаривать он, и новая мысль огорчила его: «В словосочетании «зрелая золотая пора» ключевое слово – «пора», и он отбросил кленовый лист в сторону, – «может, пора и мне отправляться в сыру землю; больше не нуждается во мне «вечнозелёное древо жизни», пора утеплять его корни, как это делает листва». И сразу же на это возмущился: «Ты что говоришь, очумел? – ещё потомство после себя не оставил,

а рассуждаешь, как глупый старик, – в землю задумал лечь...»

Из-за нарастающего напряжения в ожидании её у него стали возникать грустные мысли, и заодно в голове нарисовалась широкая картина мировых событий, где проблемы человека собираются решать без человека при помощи цифровых технологий и искусственного интеллекта, на что он мысленно сказал незримым оппонентам в своей голове: «Пора вам, господа, научиться быть людьми, и тогда все проблемы решатся сами, а не то случится массовый «человекопад»...

И представил, как у горожан, шагающих по улицам, вдруг начинают подкашиваться ноги и они разом падают на тротуары... И он остановился, словно отстранился от дурно пахнувшей бездны, присел на скамейку возле памятника Тургеневу. Сидел в тишине, посматривая на клён, на листву, что свисала с соседних ветвей, и пришёл к выводу, что клён – чемпион «Дворянского гнезда» среди деревьев по разнообразию красок, хотя берёзы и осины ему мало уступают. И в который уж раз посмотрел на подходы к ротонде, вздохнул, – среди прохожих опять не увидел её.

Он умел ждать, а она всё не шла. Душевное настроение его уменьшилось, но всё ещё теплилась надежда увидеть её здесь лёгким облачком, как тогда на липовой аллее сквера Гуртьева. Кроме того он не был равнодушным к захватывающей воображение красивой картине осени. Да и как быть равнодушным, когда на твоих глазах происходит волшебство. Недаром поэты и художники при созерцании её получают приток творческих сил, и каждый из них запечатлевает нечто своё личное, что становится произведением искусства. Видимо, они умеют в осеннем хаосе красок собирать в пучок множество разных линий взглядов и как-то преобразовывать их в эстетически прорывную линию. Тут же, рассуждая о художниках, у него возник вопрос о красоте в самом широком смысле этого слова, но он не захотел философствовать на эту тему, лишь поставил вопрос: «Красота зависит от взгляда человека или носит объективный характер, предопределённый самой природой по

внутренней необходимости?» И удивился своему же выводу: «Если это так, то выходит, что природа сама себя так красиво устроила именно осенью». И перенёс вопрос на себя: «Необходимо ли ему ждать музу, пассию свою? Ожидала бы она его так?» Тень сомнения набежала и повлияла на ход его дальнейших рассуждений, словно света убавилось и того самого «хлорофилла» стало меньше для питания ума. Призадумался: «Скоро будет всё по-иному: серо, мокро, неуютно. Скоро грусть холодных дождей посетит многих, и у каждого человека возникнут свои неповторимые воспоминания». «Пусть будет грусть, пусть... – чуть не запел он и спохватился, – какая грусть? – вот-вот подойдёт она к ротонде и радость полыхнёт огнём. Она таинственная женщина, зрелая, как сама эта золотая осень. Нет, нет, что я говорю, какая осень? – спохватился он, – она моя весна, ей и сорока лет не было в год нашего знакомства. Осень вокруг нас, но – не внутри! С музочкой мне всегда светло и тепло в любую погоду». И в который раз посетовал на спешку – забыл дома мобильник и оказался без связи.

Оба они находились в зрелой поре. Он даже чуть перезрел, если говорить о появившейся первой седине на висках, но в целом у него имелся прочный запас жизненных сил. И хотя трудно жилось, он не утратил интереса к действительности, наоборот, интересы его росли, впрочем, как и у неё. В этом отношении они стояли друг друга – два одиночества. Две души, ещё не слились в одну, когда отбрасывается природный эгоизм, и возникает высшее чувство, называемое любовью, – так считал он.

За плечами у обоих был большой жизненный опыт, и каждый вынес из него то, что смог вынести. Порой они блуждали друг в друге, как в тёмном бору, аукали, теряя визуальную связь, беспокоились, но больше волновался он, если она надолго пропадала. Искренне радовался, облегчённо вздыхал, когда её находил, и они быстро выходили из «тёмного бора» на солнечный свет.

А она всё не шла. «Муза любила говорить только о себе, – почему-то именно в этот момент подумал он, – это её главный недостаток, что настораживает. Она почти не проявляет инте-

реса к моей личной жизни, например, чем жил и дышал в промежутках встреч, словно всё давно знает. И когда провожаю на остановку, она, садясь в автобус, редко поворачивает голову в мою сторону, – деловито занимает свободное место в салоне и едет домой». Это тоже его коробило, но он упорно отбрасывал свои сомнения, придерживаясь выражения: «Поживём – увидим, что дальше будет». Примерно так виделось и ей.

Стояла тишина, лист за листом продолжал падать в застывшую гладь Орлика. И он подумал: «На каждом из листьев незримо записана жизнь дерева, начиная от распахнутой почки и до прекращения доступа в него того самого хлорофилла. Красота осени – это красота минувшей жизни. В этом и печаль, и радость, и самое удобное место – посредине, поскольку впереди – предзимье, самая неуютная пора – пора низкого неба, холодных дождей, ветров и ночных заморозков». И он посмотрел вокруг себя, подумав, что именно за эти три осенних месяца природа подготовила себя к суровой зиме. После зимних морозов свет заметно будет нарастать, и драгоценное вещество жизни потечёт к спящим почкам, они раскроются во всю свою зелёную силу для созерцания новой красоты».

И, легко встав со скамейки, он резко пошёл к автобусной остановке, чтобы отправиться домой, – так разобиделся на себя за оплошность с телефоном. Сел в автобус и грустно смотрел в окно, и уже проезжая Посадскую, вдруг увидел её, идущую по тротуару, с каким-то мужчиной. Да, да без сомнения, это была она, – успел заметить даже её восторженную улыбку, с какой она смотрела на того. Они шли, держась за руки, как делают это влюбленные студенты, не замечая ничего вокруг.

Дома, когда пришёл, мать внимательно посмотрела на него, и наконец-то он услышал то, что так долго ждал от неё:

– Ладно сын, не переживай, пусть девушка твоя переезжает к нам хоть завтра. Хватит вам по околоткам бродить, впереди зима. Только, знаешь, если выбрал себе жену, то раз и навсегда!

– Спасибо, мама, с выбором я не спешу...

– Ну, гляди, – сказала мать и пошла на кухню разогревать обед.

Несколько дней он не звонил ей в надежде, что она первой должна позвонить и объясниться, но она не звонила. Наконец, он не выдержал, набрал её номер, и сказал:

– Привет. Я тебя долго ждал на Дворянке, а ты в это время шла по Посадской с каким-то мужиком, такая радостная была, что случилось?

Она долго молчала, потом сказала: «Извини, не хотела тебе делать больно, мне трудно говорить... Это не мужик был, а мой муж. Он прилетел с Сахалина специально за мной. Мы три года не общались, считали себя разведёнными, а теперь помирились, понимаешь, не могу я иначе... Прости, не знаю, как тебе это объяснить...»

Он ничего уже не слышал – так она оглушила его этим, едва нашёл в себе силы сказать:

– Спасибо за то, что была в моей жизни, – и выключил мобильник.

На другой день рано утром она неожиданно позвонила и радостно сообщила, что муж её улетел на Сахалин один, поскольку так и не смогла восстановить с ним прежних отношений.

Видимо, думала, что он, услышав эту новость, обрадуется, но ей пришлось разочароваться:

– Муж твой может вернуться, может не вернуться, – это ваше семейное дело, а я человек холостой!

И вновь повторил:

– Спасибо, что была в моей жизни.

Как она восприняла благодарность в свой адрес, его уже не интересовало. Он – мучился.

Нескоро до него дошло, что муза и пассия редко бывают в одном лице, поскольку муза, как таковая, не может принадлежать только одному мужчине, и, поняв это, он охладил к ней. С трудом, но всё же выкинул её из ума и сердца навсегда, согласившись с Пушкиным: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

